

ИНТОНАЦИЯ ДИАЛОГА (НА МАТЕРИАЛЕ АУДИОЗАПИСЕЙ КЕТСКОЙ, СЕЛЬКУПСКОЙ И ЭВЕНКИЙСКОЙ РЕЧИ)¹

INTONATION OF DIALOGUE (ON THE MATERIAL OF AUDIORECORDINGS OF KET, SELKUP AND EVENKI SPEECH)

*Захаров Л.М. (leon@philol.msu.ru), Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова
Казакевич О.А. (kazak@orc.ru), НИВЦ МГУ им. М. В. Ломоносова*

На материале аудиозаписей кетской, селькупской и эвенкийской речи проводится инструментальное исследование интонации диалога. Проведенное авторами ранее исследование нарратива выявило наличие практически исключительно нисходящего тона в конце синтагм. В докладе представлены результаты поиска иных интонационных контуров в диалогических текстах.

0. Введение

Инструментальный анализ интонации диалога на материале аудиозаписи кетской, селькупской и эвенкийской речи проводился в рамках проекта «Взаимодействие сегментного и супraseгментного уровней в фонетике языков Сибири (на материале контактирующих языков среднего течения Енисея и сопредельных территорий)», реализуемого в НИВЦ МГУ при поддержке РФФИ. Проведенный ранее инструментальный анализ интонации нарративных селькупских и кетских текстов [Захаров, Казакевич 2003; 2006] выявил в них удивительное однообразие интонационных контуров, заключающееся в практически полном отсутствии восходящего тона на конце синтагм (как конечных, так и неконечных). Переходя к анализу диалогической речи на этих языках, мы надеялись обнаружить большее интонационное разнообразие. Для расширения исследовательской базы привлечены также эвенкийские материалы. Сразу заметим, что если и можно говорить о том, что наши надежды оправдались, то лишь с большой степенью условности.

Интонация (фразовая просодия) обычно определяется как «совокупность просодических характеристик предложения: тона, громкости, длительности, фонации» [Кодзасов, Кривнова 2001: 380]. Тон считается важнейшей из этих характеристик. Иногда к интонации относят и паузирование [Маслов 1997: 81]. В проведенном анализе основное внимание было направлено на движение тона. Анализ проводился с помощью компьютерной программы Speech Analyzer.

1. Анализируемый материал

Если аудиозапись нарратива сделать сравнительно легко (для этого достаточно попросить информанта что-то рассказать и в случае согласия перед началом рассказа включить соответствующую звукозаписывающую технику), то записать спонтанной диалогической речи получить гораздо сложнее. Дело в том, что обращенная к информантам просьба поговорить между собой на своем языке, чтобы мы смогли это записать, даже в случае согласия информантов провести для нас «показательную беседу» обычно дает материал сомнительного качества именно в силу «показательности» этого материала, его неспонтанности. Неестественность беседы имеет и еще одну важную причину: сегодня для подавляющего большинства кетов, для многих селькупов и эвенков, владеющих своим этническим языком, в повседневной жизни стало гораздо естественнее говорить по-русски, чем «по-своему». Запись спонтанных бесед на кетском, селькупском или эвенкийском языке скрытым микрофоном противоречит этике полевой лингвистической работы, да и сами подобные беседы сегодня, как уже упоминалось, — большая редкость. Несколько небольших диалогов нам удалось записать в качестве побочного продукта словарной работы, когда во время сеанса озвучивания словаря к нашему информанту заходил кто-то из его знакомых, и между гостем и хозяином происходил обмен репликами. К сожалению, качество записи таких «нечаянных» диалогов зачастую бывает не достаточно хорошим для последующего проведения инструментального анализа:

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Взаимодействие сегментного и супraseгментного уровней в фонетике языков Сибири (на материале контактирующих языков среднего течения Енисея и сопредельных территорий)», грант РФФИ № 05-06-80234.

микрофон изначально ориентирован на информанта, с которым мы работаем, и реплики неожиданного гостя слышны хуже, к тому же гость нередко производит шум, портящий запись.

Еще одним источником диалогической речи в наших корпусах оказывается запись рассказов о жизни и особенно запись фольклорных текстов: хорошие рассказчики в своем повествовании порой весьма эмоционально воспроизводят речь персонажей. Для увеличения объема и тем самым хотя бы отчасти представительности рассматриваемого материала мы включили в анализ диалогические вкрапления и нарративные тексты.

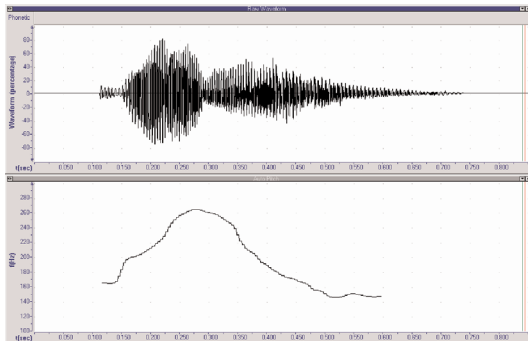
2. Результаты анализа

Рассмотрим теперь, какие интонационные контуры были обнаружены в нашем диалогическом материале. Прежде всего, следует сказать, что основной интонационный корпус синтагм диалогов во всех трех языках совпадает с интонационным контуром синтагм нарратива: падение тона в конце синтагмы.

Приведем примеры из диалога.

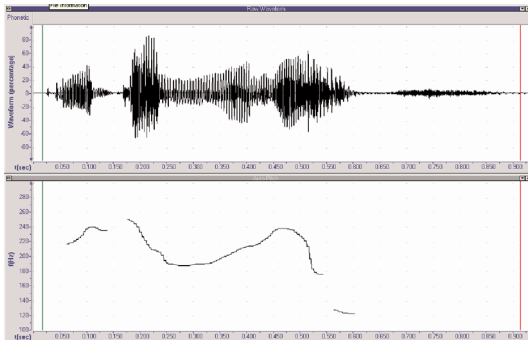
Беседу ведут жительница пос. Келлог Ульяна Прокопьевна Котусова (У. П.) 76-и лет, и зашедший к ней во время сеанса работы с лингвистами Коганов Герман Сергеевич (Г. С.) 39-и лет.

Пример переспроса. Не видя Г. С., У. П. спрашивает, кто пришел. Сначала не расслышав, после повторения она еще раз повторяет имя, чтобы убедиться, что поняла правильно.

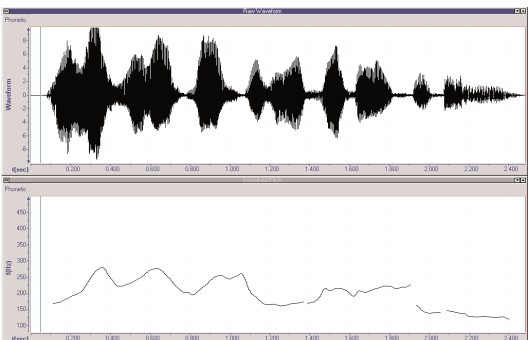
1. У. П. *ʎGe \raa ? (Гера?)*.

Пример вопроса из того же диалога:

2. У. П. *ʎu tam ʎu \ros?! (Ты что ли пьян?!)*.

Пример повествовательного предложения:

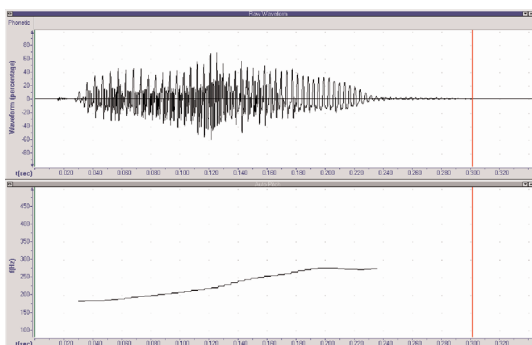

3. У. П. *A et buyos' daskan's'en et hēj daskan's'en en'* (А мы с ней говорим, мы еще говорим сейчас).

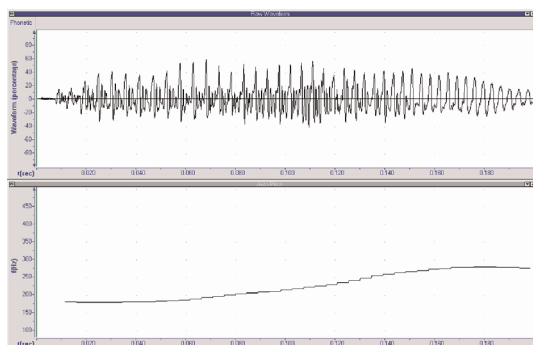
Как видно из примеров, интонационное оформление вне зависимости от коммуникативного типа высказывания схоже: начальный подъем тона и падение в конце. Все отклонения от этого крайне малочисленны и носят периферийный характер.

2.1. Восходящий тон в конце синтагмы

Два примера переспроса из приведенного выше диалога.

4. У. П. /а? (А? [= что?]).

5. У. П. /а (?) (А? [= что?]).

В этом случае не совсем ясно, на каком языке задан этот вопрос — на русском или на кетском.

Возможны несколько вариантов объяснения появления этой нехарактерной для носителей языка интонации.

1. Это произнесено «по-русски».

2. Это произнесено по-кетски (это «слово» (*a*) встречается в кетском языке), но с «заимствованием» интонационного оформления соответствующей «лексике» (если это можно назвать лексикой) типичного для русского языка. Отметим, что разговор ведется то на русском, то на кетском языке. В [Захаров, Казакевич 2003] приводился пример кодового переключения, где русская фраза оформлялась селькупской просодией. Здесь, возможно, наоборот — заимствование русской интонации в «общей» для обоих языков «лексике».

3. Это «межъязыковой» характер оформления дискурсивных слов, но в этом случае нельзя рассматривать подобное просодическое оформление фактом именно кетского языка.

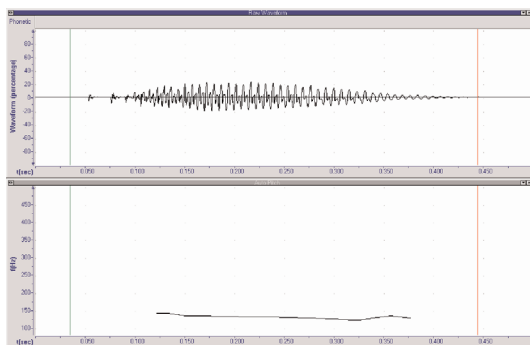
4. Данное просодическое оформление возможно в кетском языке для дискурсивных слов.

2.2. Ровный тон в конце синтагмы

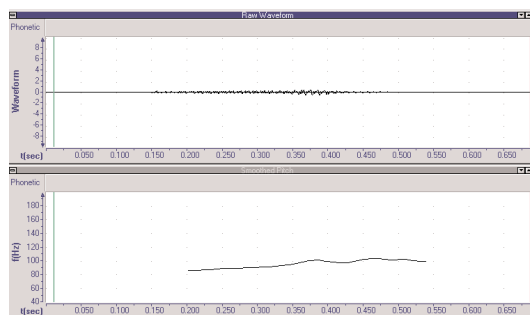
Отклонения от интонационного стандарта (т. е. повышение тона в конце синтагмы) мы находим в высказываниях, имеющих в качестве наполнения периферийную лексику или даже внеязыковые «звуковые жесты». В наших примерах это 1) побудительные частицы, 2) вопросительное междометие, 3) обращения, 4) невнятное «мычание», выражающее согласие. При этом нестандартный интонационный контур жестко не связан ни с одной из этих лексических единиц, а оказывается факультативным.

Продemonстрируем это на примере эвенкийской побудительной частицы *kə* / *kətə* со значением ‘ну-ка!, давай!’ Эвенкийский информант рассказывает сказку. В сказке беседуют персонажи Налим и Лиса.

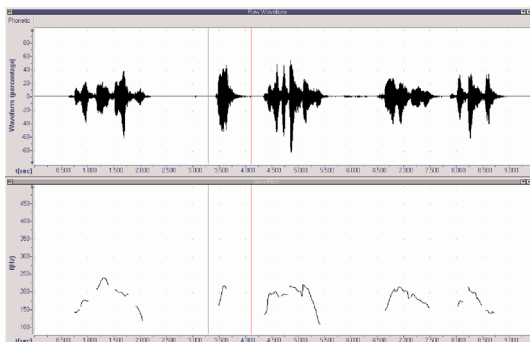
Материал из того же диалога.

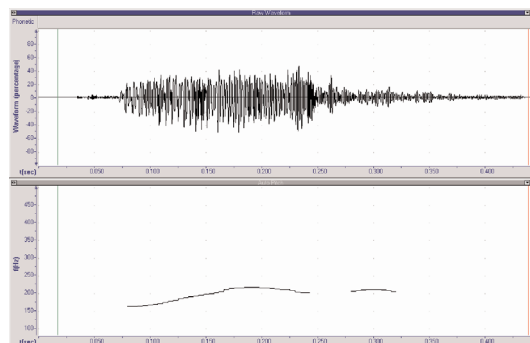
6. У. П. Э-э... (А-а... [= 'понятно']).

7. Г. С. М-м-м. (Угу [= да]).

8. «Sulaʹ\kī, sula\kī, ʹkə, minə bo kon \dZənnə» — səŋan \gunan. «Вокон\dZəŋ». («Лиса, лиса, давай меня догонишь», — налим говорит. «Догоню».) [Курсорами выделена частица kə]

9. Частица kə из предыдущей фразы

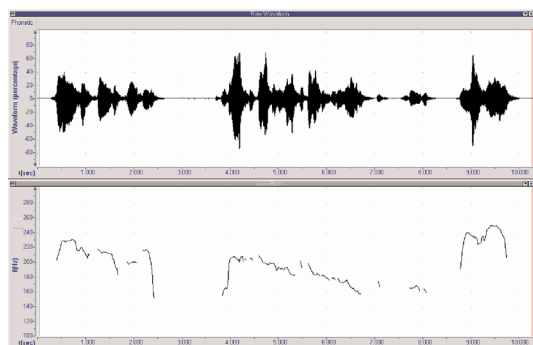
3. Некоторые выводы

Анализ материала показывает, что обнаруженные нами весьма немногочисленные случаи повышения тона или ровного тона в конце синтагмы не являются типичным и регулярным «интонационными контурами» (в тер-

минологии Е. А. Брызгуновой [Брызгунова 1980]), т. е. не удается обнаружить устойчивой корреляции между типом интонационного контура синтагмы и ее коммуникативной функцией, иными словами, не удается связать просодическое оформление с семантическим (коммуникационным) содержанием).

Таким образом, оказывается недостаточным в просодической транскрипции указывать только направление тона (символами (´) или (˘)). Обязательно надо учитывать «тональный регистр» и амплитуду повышения и понижения тона (см. об этом [Захаров, Казакевич 2006], а также доклад С. В. Кодзасова и др. «Создание информационной системы “Интонация русского диалога”» на «Диалоге’2007»).

Приведем пример из той же эвенкийской сказки.

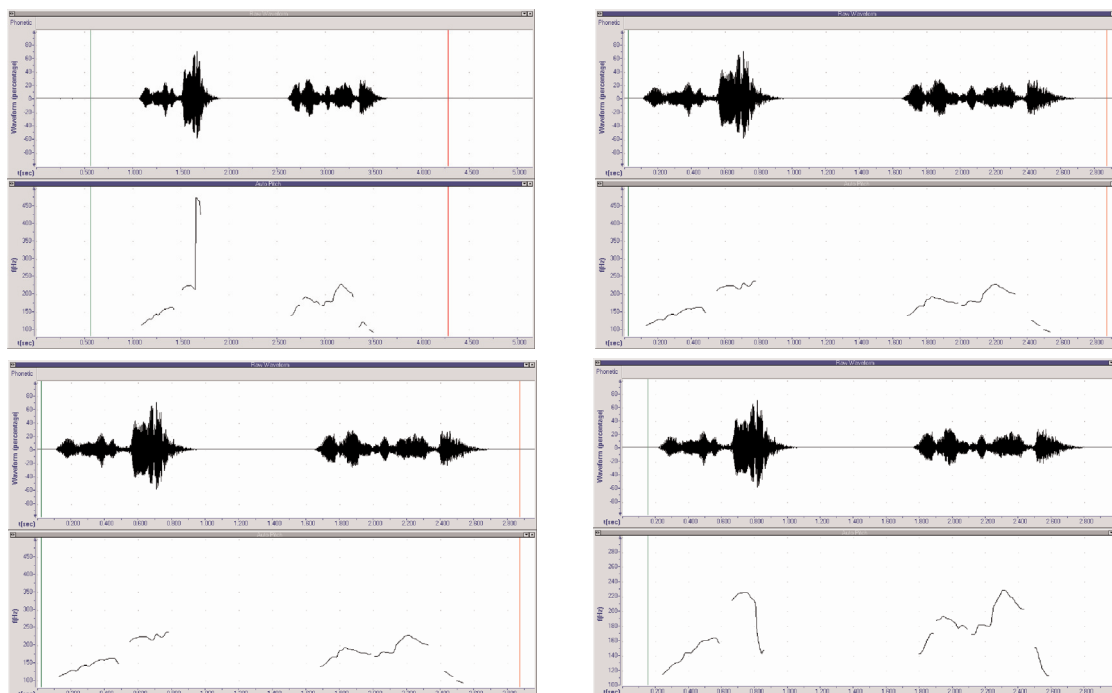
10. «´šē˘ŋgan, šē˘ŋgan, ´ši ə˘du?» dʒu˘loškikokun, oʃokikokun birə˘jawə ˘s˘eŋan: «´Bi ə˘du! ([Лиса:] «Налим, налим, ты здесь?» Вперед (вперед), вниз по течению по речке налим: «Я здесь!»)

Видно, что описание просодии только «стрелочками», указывающими направление тона, явно не достаточно.

4. Специфика работы со звуковыми редакторами

Необходимо отметить проблемы получения достоверной просодической информации при работе на компьютере. Получаемая интонационная кривая во многом зависит от настроек звукового редактора. Мы используем программу Speech Analyzer, предназначенную для работы с речью (в отличие от большинства других программ, ориентированных на музыку). Кривая тона получается быстро и автоматически, что заметно облегчает и ускоряет работу исследователя. Однако надо быть весьма осмотрительным, чтобы не получить искаженную информацию. Продемонстрируем результат работы звукового редактора на примере одного и того же сигнала.

Встроенный диалог в селькупской сказке (информант — Аксандаков)

11. «´šmtyl˘ ˘\qoŋ, ´nel˘amtu ´min˘tal?» («Царь, [давай] дочь твою дай!» [в жены]).

Изображения получены на двух разных версиях программы Speech Analyzer при разных настройках и разной длине анализируемого сигнала. Более ранняя версия допускала больше возможностей ручной настройки в отношении частотного диапазона.

Как выходить из этой ситуации непредсказуемости степени достоверности интонограммы? (Заметим, что особенно часто сбои в работе анализатора интонации объясняются присутствием в речи информанта «скрипучего голоса» или гортанной смычки.) Прежде всего — это коррекция изображения «на слух». К сожалению, и здесь существуют определенные проблемы. Человек на слух хорошо воспринимает уровень частоты основного тона и гораздо хуже направление движения тона. Единственно надежным источником получения достоверной информации является непосредственно звуковая волна — осциллограмма. При сильном увеличении можно вручную разметить волну на периоды основного тона и, разделив единицу на длину периода, получить значение частоты. Работа эта очень трудоемкая и можно только восхищаться Еленой Андреевной Брызгуновой, которая, работая именно таким способом (в то время не было компьютеров), создала свою теорию русской интонации (теорию ИК). Все ее интонограммы были выстроены по точкам, полученным на основании измерения длины периода сигнала (см., например [Брызгунова 1980]). Отметим также, что база автоматического синтеза русской речи «Речевой группы» филологического факультета МГУ также размечена по периодам основного тона «полуавтоматически». «Полуавтоматика» заключалась в обязательной ручной коррекции автоматически получаемой поперодной разметки речевого сигнала.

Список литературы

1. Брызгунова Е.А. Интонация // Русская грамматика. М., 1980.
2. Захаров Л.М., Казакевич О.А. Экспериментальное исследование фразовой интонации при кодовом переключении // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Диалог'2003. М.: Наука, 2003. С. 250–253.
3. Захаров Л.М., Казакевич О.А. К вопросу о границах предложения в устных текстах на языке без устойчивой письменной традиции // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции Диалог 2006. М.: Изд-во РГГУ, 2006. С. 168–177.
4. Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф. Общая фонетика. М.: РГГУ, 2001.
5. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1997.